

A romantic couple is shown in a close embrace, kissing. The woman is wearing a white cable-knit beanie and a brown jacket. The man is wearing a brown jacket. The background is a warm, golden glow, suggesting an autumn setting. The overall mood is intimate and tender.

АЛЭН АКОБ

*Забудьте
орхидеи*

МОНМАРТРА

РОМАН

A close-up of autumn leaves in shades of yellow, orange, and red, scattered on the ground. The leaves are in sharp focus, with some showing detailed vein patterns.

АЛЭН АКОБ

Забывтые орхидеи Монмартра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57106518

SelfPub; 2023

Аннотация

Для молодого художника из провинции наступают нелёгкие времена. Его любимая женщина Агата живёт в Париже. Целая череда неудач сопутствуют ему как в любви, так и в искусстве – он разочарован. Наконец сбывается его мечта. Агата приглашает его жить в Париже и даже нашла ему постоянное место работы, площадь Тертр, где собираются художники со всего мира. Казалось бы счастье наконец ему улыбнулось, но всё так просто в Париже.

АЛЭН АКОБ

Забывтые орхидеи Монмартра

Забывтые орхидеи Монмартра

К полудню жара стала просто невыносимой. Даже истоптанный, изъезженный годами асфальт от солнечных лучей размяк в некоторых местах настолько, что в нём отчётливо виднелись следы от женских каблучков. У художника Макса Несты вспотела голова под кепкой, он вынул из кармана вышитый платок с загадочными инициалами «А. Б.» вытер пот со лба и подумал: «Интересно, а можно ли определить возраст обладательницы каблучков по следам? Наверное всё таки нет, а вот вес можно узнать, определив по глубине вмятин». Глубоко вздохнув, он подумал: «Какая всё-таки чушь лезет в голову, а всё от жары, наверное», – ища глазами термометр, случайно оказавшийся почти рядом, над витриной аптеки, через улицу. Большие цифры на электронном табло уверенно показывали тридцать восемь градусов в тени. «Зачем я вообще ввязался в это дело?» Но, тут же вспомнив, что уже второй месяц сидит без денег, он ещё раз глубоко вздохнул и лениво поплёлся в сторону бара, надеясь хоть там

найти немного прохлады.

В зале парижского бистро действительно было прохладно, не спрашивая разрешения, он сел в самом углу зала, кивнув головой бармену, на что тот кисло улыбнулся, продолжая с остервенением полировать вафельным полотенцем тарелку из-под салата.

Макс снова вздохнул, вспоминая про деньги, посмотрел на часы с кукушкой, висевшие на стене бара. Кондиционер неприятно дул прямо на голову. Макс сделал знак рукой молодой официантке – очевидно, стажёрке, чтобы она подошла.

– Чашечку кофе, и больше ничего, ах да – и немного холодной воды, – с улыбкой попросил он. В животе предательски заурчало. «Да, сложно верить в удачу, когда вторую неделю впроголодь», – подумал он, хотя лузером себя никогда не считал.

Не соображая, он отключено помешивал ложечкой кофе, так как сахар давно не употреблял, и не заметил, как в зал вошла небольшого роста обаятельная женщина, одна из тех представительниц прекрасного пола, которая не сможет пройти незамеченной, даже на самой многолюдной улице, выделяясь своей красотой среди толпы прохожих. Сидев-

шие в зале обернулись и стали бесцеремонно разглядывать её, бармен наконец бросил шлифовать отполированную до блеска тарелку, подошёл к ней сам, поздоровался и пригласил её сесть у окна: очевидно, они были знакомы. Отходя от неё, он спросил:

– Как всегда? – на что она молча кивнула хорошенькой головой.

Заметив, что в зале что-то происходит, художник наконец оторвал свой взгляд от чашки с кофе с унылым видом африканского марабу и, как и все, уставился на неё.

То что его поразило в ней сразу, это её миндалевидные глаза голубовато-зелёного оттенка. Они были настолько выразительные, что остальные черты лица, не лишённые изящества, лишь дополняли гармонию овального лица.

Очевидно, давно привыкшая к восторженным взглядам мужчин, не обращая внимания на завистливые взоры женщин, она с нескрываемой меланхолией смотрела куда-то на улицу, думая о чём-то своём.

Макс Неста как-то взбодрился, перевоплотившись из сонного марабу снова в художника, и начал теперь уже с любопытством, как все, её рассматривать. «Жаль, я не портре-

тист, а то бы написал бы её в профиль, нет – анфас, чтобы глаза лучше изобразить, глаза – самая важная деталь на лице у женщин. Она даже совсем недурна собой, – думал он, скользя глазами от подбородка вниз по шее к грудям многообещающей формы, безжалостно затянутым узким платьем в декольте.

Она была бы неплохой натурщицей у меня в мастерской – может, подойти спросить? Судя по сумочке и по тому, как она одета, перспектива работать моделью у малоизвестного художника, как я, ей вряд ли подойдёт, – со вздохом подумал Макс. – Интересно, что она так пристально разглядывает в окне, наверное, ждёт кого-то, ну конечно – такой золотой самородок не будет в пыли валяться. Кстати, не всё, что блестит, то золото, у этого сокровища, как и у всех хорошеньких женщин, наверное, скверный характер капризной кокетки, ревнивый муж и дача рядом с Монако. Однако пора, не опоздать бы, а деньги мне нужны сейчас как никогда, будь они трижды прокляты! Агата тоже не пришла, что за скверный характер, назначить свидание – и не прийти. Наверное, какие-то срочные дела, даже не предупредила, могла бы и позвонить».

Придя домой после randevу, Макс Неста воодушевлённо прямо с порога снял один ботинок, поддев его за каблук, с силой швырнул его в дальний угол, чуть не попав в ведро с водой и тряпкой. Подбежал, как ненормальный, к мольбер-

ту, принялся устанавливать холст на подрамнике, буквально через какие-то пару минут, когда всё было готово, так и оставаясь в одном ботинке и с дырявым носком, из которого предательски торчал большой палец, в одних трусах он стал напряжённо размазывать краску с палитры на полотне поржавевшим мастихином. По прошествии некоторого времени, пролетевшего в сосредоточенной работе, он остановился, посмотрел на результат своих трудов и с яростью швырнул холст в угол, на этот раз всё-таки задев ведро, из которого вылилась мутная вода, распространяя запах прелой тряпки по мастерской, и в изнеможении плюхнулся на диван, проклиная всё на свете.

Немного успокоившись, он устало подошёл к валявшемуся в воде полотну, отёр рукавом расплывшуюся от влаги краску и стал пристально вглядываться в цветную размазю, в которой расплывчато появилось что-то напоминающее глаза.

– О, проклятие! – вскрикнул он в ужасе, спотыкаясь о ботинок, табуретку, чуть не перевернув стол по дороге, бросился на кухню – схватил нож со стола рядом с обрезками вчерашней колбасы и искромсал полотно вдоль и поперёк.

Весь день пошёл насмарку, ничего, кроме её глаз, он теперь не мог писать, они везде эти глаза – в уме, на полотне, в глазах...

Нащупав в кармане пиджака последние оставшиеся монеты, мотнув головой, как бы отгоняя дурные мысли, Макс вышел на улицу и пошёл в сторону бара, где видел её.

Нет, нет он не был настолько наивен, чтобы надеяться встретить её снова, но какая-то невидимая сила тянула его туда, где он видел эти глаза. Бар был полупустой, хозяин заведения по-прежнему тёр какую-то тарелку под часами. На том месте, где он был прошлый раз, сидел тучный мужчина, пил кофе с булочкой, время от времени оглядывая зал выпученными глазами.

Макс хотел уже устроиться за первым попавшимся столиком, как неожиданно передумал. Он прошёл через весь зал и сел на то же самое место, где вчера сидела незнакомка, ему даже стало как-то приятно от этого, словно тепло её тела ещё оставалось на стуле, попросил чашечку кофе, окинул взглядом посетителей, посмотрел на улицу через витрину бара и застыл от неожиданности. В зеркальном отражении стекла на него смотрел тучный господин с выпученными глазами, что сидит на его вчерашнем месте.

«Значит, она смотрела на меня, как и я на неё! Кто она такая? Может я встречал её где-то раньше? Она знает меня? И Агата не пришла вчера» – вопросы роем назойливых мух вмиг закружились в потяжелевшей голове. Не находя ответа,

они роem вылетали из ушей, прерываемые шумом посетителей в зале.

– Вам принести что-нибудь выпить? Вам плохо? Может, холодной воды подать? – верещал голос официанта.

– Нет, нет, спасибо, уже прошло, – вспоминая, что второй день он не ел ничего, отказался Макс.

– Чем могу быть полезен? – спросил официант, протирая тряпкой соседний столик.

– Немного горячего шоколада и круассан, будьте добры, – и добавил, подумав: – А скажите, любезный, вчера здесь сидела девушка, где-то между десятью и одиннадцатью часами утра, она здесь часто бывает?

– Неужели вы думаете, что возможно запомнить каждого кто заходит сюда, даже если вы официант? – пожимая плечами, ответил он. – Вот вас я первый раз вижу у нас.

– Да, да, конечно, извините. Кстати, я вчера был у вас, – с ноткой сарказма сказал Макс.

– Значит, не заметил, – с сожалением пожимая плечами, ответил официант.

– Вы не расстраивайтесь, вчера здесь работала девушка.

«И всё-таки всё это странно», – подумал Макс, смотря на официанта, который теперь уже что-то говорил шефу вполголоса, а тот смотрел на него, покачивая головой в знак согласия.

Макс был пятым ребёнком в многодетной семье железнодорожника. Отец Бернар Нест неделями не бывал дома, мать еле справлялась по дому – стирала, кормила, поила, еле успевая следить за детьми, поэтому его детство прошло в полной свободе. Горы, реки, лес, ручьи и овраги порой были его домом и единственной забавой. Он проводил почти всё своё свободное время на природе. Рос смуглым деревенским крепышом с карими глазами, этакий бурдюк с красным, как кровь, вином, готовый в любой момент взорваться на самые отчаянные мальчишеские проказы.

Однажды во время одной из таких прогулок на опушке леса около ручья он случайно наткнулся на художника, который рисовал ручей, заросший камышом, и лежащую на траве обнажённую девушку, за которой подглядывал молодой мушкетёр из-за кустов сирени.

– Нравится? – не оборачиваясь, спросил художник.

– Да, очень.

– А что тебе нравится?

– Речка как настоящая.

– Да, – протянул художник, – а девушка тебе не нравится?

– Нет, – уверенно сказал Макс. – Мушкетёр красивее, особенно шляпа на славу удалась, – с видом знатока добавил он.

– Сара, где ты там? Выходи, ты не нравишься молодому человеку! – неожиданно закричал художник в направлении кустов цветущей бузины.

– Кому это я не нравлюсь здесь! – из раздвинувшихся веток вышла абсолютно обнажённая молодая женщина, очевидно натурщица, только вышедшая из воды. Её длинные волосы, разбросанные по плечам, слегка трепыхались от лёгкого ветерка, на белом роскошном теле с застывшими капельками воды красиво выделялись округлые груди со стекающим ручейками влаги между ними вплоть до лобка, на котором еле виднелся светлый пушок курчавых волос. Его робкий взгляд непроизвольно скользнул к соцветию её ног, заметив, она продолжила.

– Так кому я тут не нравлюсь? – сердито повторила она. – Тебе, что ли? – с ухмылкой.

Макс, как вкопанный застыл в оцепенении, его даже немного затошнило от волнения. Натурщица сделала шаг вперёд, взяла его за руку и положила кисть его руки себе на грудь, высунув при этом кончик розового язычка.

– А так нравится? – страстно спросила она, переходя на полушёпот.

Он отдёргнул руку, словно прикоснулся к чему-то горячему. Первый раз перед ним стояла обнажённая женщина, и он не мог отвести от неё глаз – настолько это было красиво, и в то же время им овладел непонятный страх, смущение, беспокойство, паника от незнания, что делать, что сказать, он повернулся, отдёргнул руку и бросился бежать наутёк, ничего не соображая, настолько это всё было для него неожиданным. Ему вдогонку нёсся свист, смех, а он бежал сломя голову наперегонки со своим стыдом.

Дома он забился на чердак среди пыльных книг и журналов, ему стало вдруг стыдно, потом смешно, от руки шёл еле заметный аромат духов, напоминающих фиалку. Он не мыл три дня свою правую руку, даже засыпал, держа её как мож-

но ближе к носу. Именно с тех пор в своих ночных грёзах он стал мечтать о профессии художника, чтобы быть окружённым красотой, женской красотой.

Потом запах прошёл, и он стал постепенно забывать про это забавное приключение, но что-то изменилось в нём с тех пор, он стал по-другому смотреть на женщин.

Каждое лето в деревню прилежала семья богатых парижан, у которых была большая дача недалеко от них, через дорогу напротив, за которой его мать находила время присматривать в течение года, за небольшую мзду. Она стригла газон, обрезала ветки деревьев, поливала цветы. Люди они были приветливые, никогда социально не дистанцировались с деревенскими, но и особой близости не проявляли. У них была молодая дочь со смазливим лицом и довольно-таки раскрепощёнными манерами. С первого же раза, как она увидела Максима, ещё в детстве, подошла к нему первой, протянула руку с половинкой шоколадки и сказала

– На, бери, ешь, теперь мы будем друзьями, и ты должен делиться со мной всем, что у тебя есть, ты мой друг.

Родители были совсем не против общения их дочери с деревенскими, лишь бы их не беспокоили разными шалостями лишней раз, оставили в покое. Так между ними и завяза-

лась настоящая дружба, они бегали вместе по холмам, поросшим сочной травой для выпаса скота, спускались в овраги, где текла горная речка, смотреть, как из воды выпрыгивает форель в погоне за мальками, кормили любопытных коров цветами с руки, ловили бабочек, быстрых ящериц, пожиравших жужжащих мух с окна. Как-то они спустились вниз по ущелью, к самой реке, которая пересыхала летом, превращаясь в квакающее болотце, поросшее камышом и осокой, местами растекаясь небольшим, еле заметным ручейком. Рядом с пологой насыпью гальки и песка, где рабочие когда-то пытались строить плотину, очевидно ещё до войны, они нашли небольшую пещеру с заброшенными инструментами и разбитыми бутылками. Пару гильз от патронов, память от макизаров, полусгнившую ветошь, ботинок с оторванной подошвой. Она подняла зелёный осколок бутылочного стекла, стёртый от времени, и посмотрела на небо через него. Макс с любопытством за ней наблюдал.

– Возьми другой осколок и сделай как я.

– Ну и что ты там видишь? – почти прикладывая к глазу.

– Зелёное небо.

– Ну и что дальше, оно и голубое неплохо смотрится.

– А то, что когда я уеду и буду скучать по тебе, стану смотреть на зелёное небо и вспоминать тебя, и ты тоже делай, как я.

– А что это даст? – с недоверием.

– Глупый, ты ничего не понимаешь, если мы заскучаем одновременно и будем вместе смотреть на небо, ты здесь, а я даже на краю света, то превратимся в синих птиц и полетим навстречу к друг другу и больше никогда не расстанемся.

– Хорошо, – сказал Максим, пряча осколок в карман. – Пусть будет по-твоему, синяя птица.

Потом целый год он с нетерпением ждал её, поглядывая время от времени на небо через осколок стекла, так прошло несколько лет.

Наконец она приехала. С коротко подстриженными русыми волосами, почти сформировавшейся грудью, от неё пахло дорогими духами, и он тогда в первый раз заметил, что у неё большой, выразительный рот. Она не была уже той бойкой, весёлой девчонкой, что бегала по холмам и оврагам вместе с ним. Днём они вместе лежали в поле на траве и смотрели в небо, как плывут над головой кучевые облака, он чувствовал, как край её ситцевой юбки лежит на его голой коленке из-

под задравшихся шорт. Вечером вместе сидели у опушки леса на поваленном бревне с облезлой местами корой и смотрели закат, ночью искали созвездия Большой Медведицы и Водолея. Потом поцеловались, и она разрешила ему потрогать свою небольшую грудь. На следующий день он пришёл к ней домой, и они уединились на чердаке в маленькой комнатушке. Пока внизу шумели гости у родителей, она успела стянуть на кухне бутылку Cahors, шоколад и яблоко, дальше все произошло случайно, то ли от выпитого вина, то ли пришло время любви, а может, и то, и другое вместе. Потом были клятвы верности, слёзы и расставание. Звали её Агата.

Порой бывает так, что жизнь нам дарит человека, без которого ты себя даже представить не можешь. Нет, это не только любовь, это ещё что-то другое, намного больше, похожее на болезненную привязанность. Каждый жест, слово, движение – это как мазок краски на грубом сукне полотна, на котором ты пытаешься изобразить на свой лад то, что в реальности может иметь абсолютно противоположные очертания.

Что это – самообман, иллюзия, бредовая фантазия слабого человека. Нет, это нечто большее, чем палитра чувств, где каждая мысль, переживания, ощущения есть не что иное, как частичка твоей души, тела. Некоторые называют это любовью, другие – индивидуализированным половым инстинктом.

Макс сидел на диване в мастерской, со стаканом виски на доньшке, глубоко затягиваясь только что свёрнутой самокруткой и с тревогой думал о заказе, который надо было закончить в срок, заплатить за просроченную аренду помещения, за воду, газ, холодильник был полупустой уже третий день. Ему давалось всего лишь три дня на портрет одноногого корсара с банданой на голове, опирающегося на позолоченную трость, на фоне пиратского корабля в море. Заказчик абсолютно не торговался, лишь только передал фотографию человека, который должен был быть изображён пират. Картина ему никак не давалась. Сказывалась усталость от напряжения и неудач, преследующих его в эти последние дни. Всё началось со звонка хозяина мастерской, который надменным тоном довольно-таки недвусмысленно намекал, что выставит его на улицу, если он не внесёт квартплату в ближайшие дни. Макс нагрубил ему в ответ, на что тот, не попросившись, бросил трубку. Можно было бы, конечно, попросить займы у Агаты, но он дал себе слово никогда не опускаться до этого. В тот день, когда он не сможет обеспечить сам себя, просто сядет на поезд и возвратится домой.

Пылающий жаром огненный пепел, свалился с конца косяка ему прямо на брюки и, прожигая насквозь ткань, дошёл до ноги. Он вскочил как ужаленный, стал стряхивать пепел с брюк. В этот самый неподходящий момент зазвонил теле-

фон.

– Макс ты пошёл на randevу? – спрашивали в трубке, не поздоровавшись.

– Здравствуй, почему ты не пришла, Агата, я ждал тебя в баре?

– Макс, ты не ответил на мой вопрос.

– Пошёл.

– Ну и? Рисуешь?

– Нет, пробовал писать, ничего не получается.

– Сиди дома, вечером загляну, – после непродолжительного молчания: – Послушай, Макс, а что если попробовать с музыкой?

– Это как, Агата?

– Сиди дома не выходи, скоро подъеду, – бросая трубку

Ханс Циммер – музыка «Пираты Карибского моря». Холст, палитра, краски, кисть, первый мазок, за ним второй,

начинают появляться первые контуры человека в камзоле пирата, лицо, нос, немного больше краски на волевой подбородок, ага – глаза, опять её взгляд.

– Я вижу, ты стараешься, – бодрый голос Агаты, тихо подошедшей к нему, до этого молчаливо сидевшей за столом, работая за компьютером.

О да, она умеет вселять надежду, всегда была такая, редкий дар заставить человека поверить в себя.

– Камзол вышел неплохо, угу, пойдёт, – рассматривая нижнюю часть портрета. – Лицо бледное, вот только глаза не его. Откуда ты взял этот разрез и ресницы длинные, ты отошёл от образа на фотографии которую тебе дали. Ну и как, ты запросил ту сумму, что я тебе посоветовала? – снимая с себя кружевные трусы голубого цвета типа «стринги».

– Да, конечно, – поднимая юбку обратной стороной кисти в красной краске.

– Осторожно, не выпачкай меня, – расстёгивая блузку на груди. – Я сегодня останусь у тебя, ты не против? – кокетство, крутя зрачками.

– Когда-нибудь мне, видно, придётся привыкнуть к этому.

– Не болтай глупости, знай, я только твоя и больше ничья.

Она осторожно подымается с дивана, наверное, думает, что сплю. Нет, я давно проснулся, имитирую сон, как она оргазм, мне нравится, как она уходит от меня, странно, но мне всё приятно в ней, даже её уход, это целый ритуал. Она всегда одевается сидя, сначала нижнее бельё, застёгивает застёжку на белых сандалиях с коротким каблуком. Потом смотрит на меня, минуты две, три. Лёгкий скрип половицы, шаги, сейчас она стоит перед зеркалом и разглядывает себя со всех сторон, взгляд её задерживается на грудях. Иногда мне кажется, что она прекрасно знает, что я не сплю, это последний штрих нашей любви – позволить украдкой себя созерцать, крохотная пауза, электрический скрип надетой блузки, ещё одна небольшая пауза, она сейчас последний раз окинет меня своим непонятым взглядом, иди и догадайся, о чём она думает на прощание, лёгкий хлопок двери, затем пустота вокруг и внутри меня.

После неё звуки за окном – машины, визг тормозов, чей-то крик. Если открыть входную дверь – у соседей поют, стреляет преступник в американском сериале, бубнит зарвавшийся политик по телевизору, где-то танцуют над головой, вроде я не один в этом многоэтажном доме, и в то же время каждый раз, как она уходит от меня, – это моя душа уходит вместе с ней, уступая место одиночеству. Счастье ты

моё кратковременное и несчастье моё бессрочное, ты прекрасна, как день, и темна, как ночь, когда тебя нет рядом со мной, я знаю – у тебя есть муж и дети, а у меня есть только ты, да я с моими бредовыми идеями с холстами.

После того как Агата последний раз была в нашей деревне, прошло целых два года, двадцать четыре месяца телефонных звонков, писем и грусти. За это время я успел окончить школу, уйти из дома (старик на пенсии стал просто невыносим), превратиться в голодного художника. Продажа моих пейзажей и натюрмортов не приносила денег, разве чтобы не сдохнуть с голоду. Я жил одной мечтой – уехать в Париж, чтобы быть рядом с Агатой. Монмартр меня тянул, как глупого мотылька на огонь свечи. Нет, конечно, я не был весёлым юношей-балагуром, счастливым сыном богатых родителей, это я знал прекрасно. Сон на голодный желудок, донашивание обносков старшего брата, довольствоваться тем, что тебе дают, – да, это мои детство и юность.

Нелегко смотреть на мир глазами художника, через призму красок и очертаний, особенно когда ты сыт через день и радуешься каждому лишнему центу. Наконец этот день, который я так долго ждал, наступил. Она мне вчера позвонила, и сказала, чтобы я посмотрел в зелёный осколок от бутылки. Всё, решено, я еду к Агате, Париж меня ждёт.

Париж меня встретил октябрьским хмурым утром. Поезд

медленно въезжал на вокзал Gare de Lyon, я был немного взволнован, смущён от долгих лет расставания, уставшим как мне казалось тогда показалось, от длинной дороги, проделанной бедным провинциалом, чтобы быть спокойным и хладнокровным на пути к новым испытаниям. Я вышел тогда на перрон с потёртым чемоданом в руке, купленным в последний день на барахолке и плащом через руку. В глубине вокзала появилась до боли знакомая тоненькая фигура Агаты, которая шла прямо на меня, улыбаясь во весь свой чувственный рот, те же коротко постриженные волосы, серые глаза с искринкой. Через минуту она с искренностью старого друга, была прижата к груди, и этот долгожданный вкус её губ, как всегда, отдающий шоколадом, она без него жить не может. Всё такая же, суетливая, вечно спешащая, деловая до невозможности, она успела даже схватить чемодан из моих рук и несёт, не обращая внимания на все мои уговоры отдать его назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.